

III. ДОЛЯ УКРАЇНСЬКОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ В УМОВАХ ТОТАЛІТАРНОГО РЕЖИМУ

Н.Н. Мезга

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА И ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ БОРЬБЕ В 1921-1926 ГГ.

На судьбы интеллигенции различных народов, на культурное развитие той или иной территории влияют различные факторы, в том числе не в последнюю очередь и геополитический. Рижский мирный договор привел к тому, что украинский и белорусский народы оказались поделенными между Польшей и советской Россией. Западная Украина и Западная Беларусь оказались в составе польского государства, что обусловило особенности развития этих территорий и их место в геополитической ситуации, сложившейся в Центрально-Восточной Европе в 1920-е годы. Так называемые «восточные крессы» стали для Польши тем плацдармом, опираясь на который она пыталась играть роль ведущего государства в регионе.

Среди польских политиков, которые вели переговоры в Риге, преобладала точка зрения, согласно которой к Польше могло быть присоединено столько земель на востоке, чтобы их население можно было ассимилировать. Как отмечал один из членов польской делегации на этих переговорах Ю. Гласко на позицию Польши по вопросу о границах влияло несколько факторов, в том числе и «нежелание обременять наше государство чрезмерным количеством чужой народности». Кроме того, польская делегация стремилась провести границу таким образом, чтобы ее не оспаривали российские правительства, которые придут на смену большевикам [1]. Тем не менее, восточная граница Польши прошла так, что в ее составе оказались значительные по количеству белорусское, украинское и литовское национальные меньшинства. Было очевидно, что российскому правительству любого политического направления будет очень тяжело смириться с границей, которая прошла значительно восточнее «линии Керзона».

Необходимо отметить, что большевистское руководство рассматривало как неделимое целое борьбу за мировую революцию и борьбу против Версальской системы европейских отношений. Целиком можно согласиться с точкой зрения, которую высказывает В. Сироткин, что Рижский договор, определив советско-польскую межвоенную границу, объективно являлся элементом Версальской системы, несмотря на то, что эта граница была достигнута Польшей во многом вопреки позиции Антанты и некоторое время не признавалась ею [2]. Стремясь разрушить Версальскую систему в целом, советское руководство, исходя из сложившейся геополитической ситуации, в качестве более близкой задачи должно было рассматривать изменение советско-польской границы. Основной преградой для реализации этих целей являлся Версальский договор. Выступая на XIV съезде ВКП(б) И. Сталин связывал с Версалем потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Беларусью ее западной части, потерю Литвою Вильно [3]. Показав негативное отношение советского руководства к Версальскому договору, И. Сталин фактически обозначил и те его элементы, ликвидацию которых СССР намерен осуществить в первую очередь. Это – польско-советская граница, которую установил Рижский договор. Среди руководства СССР в то время сформировалась группа политиков (включая и наркома иностранных дел Г. Чичерина), которые выступали за проведение внешней политики, основанной не столько на идеях классовой борьбы, сколько на традиционных российских государственных интересах. Они добивались установления российского господства в Восточной Европе, что снова же неизбежно должно было придать советской политике антиверсальский и антипольский характер и поставить задачу включения в состав СССР Западной Украины и Западной Беларуси.

Граница, которая прошла значительно восточнее «линии Керзона», создала для Польши проблемы в отношениях и с ведущими странами Запада. Они не признавали ту советско-польскую границу, которую установил Рижский договор. Без этого Польша не могла считать новую восточную границу устойчивой и окончательной. Было известно, что среди политиков Антанты распространены сильные настроения против значительного расширения Польши в восточном направлении за ее этнические границы. В мае 1921 г. влиятельная французская газета «Монитор де Коммерс» напечатала серию статей, посвященных проблемам Восточной Европы. В них указывалось, что Польша уже значительно вышла за свои этнические границы, и содержался призыв к французскому правительству добиваться от Польши, чтобы она отказалась от тех территорий, которые ей совсем не принадлежат.

Английские газеты также постоянно подчеркивали, что Польша простирается только до Буга и Сана, что современная Польша по своей территории в два раза больше за ее этническую территорию. Примерно в те же дни премьер-министр Англии Д. Ллойд-Джордж, выступая в английском парламенте, заявил, что Виленщина оккупирована Польшей, и это вызов Антанте. Совет Лиги Наций принял решение, что территория Восточной Галиции также оккупирована поляками, и Антанта не признает ее присоединения к Польше [4].

Но для польского правительства было очевидно, что страны Антанты не пойдут дальше высказывания своего недовольствия расширением территории Польши за польские этнические границы и не будут предпринимать никаких реальных шагов по изменению польской восточной границы и тем самым разрушать барьер против большевизма. В то же время польское правительство считало, что пересмотра этой границы будет добиваться советское российское руководство. В 1923 г. тогдашний министр иностранных дел Польши А.Скшиньский писал, характеризуя ситуацию на советско-польской границе: «Надо отметить факт, что линия польско-русской границы – это линия огня, то угасающего и только тлеющего, то сызнова взрывающегося ясным и далеко видимым пламенем, всегда одинаково опасным для Польши и для Европы» [5].

Надо признать, что опасения правящих кругов и общественности Польши относительно ревизионистских планов советской России применительно к установленной в Риге границе были небезосновательными. Практически уже на второй день после подписания Рижского договора советское руководство начало действия, направленные на включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав советских республик. При этом оно понимало, что в первой половине 1920-х годов у него практически не было шансов на его реализацию. Этому препятствовала военно-экономическая слабость советской России и расстановка сил на международной арене. Исходя с реальной ситуации того времени, советское руководство поставило задачу готовить условия, необходимые для осуществления в удобное время ревизии польско-советской границы 1921 г. Для этого, во-первых, считалось необходимым ослабить позиции Польши на территории «восточных крессов». Советское руководство стремилось подать себя как защитника прав населения Западной Беларуси и Западной Украины, рассчитывая завоевать его симпатии. Видный советский дипломат И. Лоренц в телеграмме на имя члена коллегии Наркомата иностранных дел (НКВД) Я.Ганецкого от 12 декабря 1922 г. отмечал, что наилучший способ противодействовать внешнеполитическим планам Польши на восточном направлении – это ослабление ее позиций в «восточных крессах», чтобы в конечном итоге ликвидировать польский коридор, который отделяет советскую Россию от Литвы [6]. В начале 1923 г. Лоренц развивает эту идею в очередном послании в НКВД. Он пишет: «Нечего и подчеркивать, как важно для нас поддерживать недовольствие в польских окраинах и создавать там тяготение в пользу советской власти» [7].

Для оказания давления на Польшу в «восточных крессах» советское руководство использовало статью 7 Рижского договора, которая гарантировала белорусам и украинцам на территории Польши, равно как и полякам на территории советских республик, право на свободное развитие национальной культуры, языка, а также свободу религиозных культов. НКВД РСФСР (затем - СССР), а также правительства УССР и БССР, периодически направляли польскому правительству ноты протеста, которые содержали обвинения польских властей в притеснении украинцев и белорусов в Польше. Особенно бурная дискуссия по вопросу о правах национальных меньшинств возникла между советским и польским правительствами в мае-июне 1924 г. Польские власти обвинялись Москвой в многочисленных нарушениях прав национальных меньшинств на своей территории. Польская сторона рассматривала советские требования как вмешательство во внутренние дела Польши и в конечном итоге отказалась отвечать на советские ноты. Москва использовала это, чтобы обвинить польскую сторону в неисполнения Рижского договора и заявить, что и она оставляет за собой право не исполнять те или иные положения названного договора [8]. Нам представляется, что организация СССР периодических компаний в защиту прав белорусов и украинцев в Польше имела целью, во-первых, способствовать формированию в «восточных крессах» просоветских настроений, а, во-вторых, представить в негативном свете польскую политику на этих территориях перед международным сообществом, и подготовить европейское общественное мнение к осознанию необходимости присоединения Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. На III съезде Коммунистической партии Польши перед ней прямо была поставлена задача «расшить по национальным швам современное польское государство, не давая ему времени осесть и приобрести устойчивость» [9]. Положение политической нестабильности в «восточных крессах» советское руководство стремилось создать и через поддержку здесь антипольского вооруженного движения.

Такая политика проводилась до начала 1925 г., когда Политбюро приняло решение о прекращении диверсионных операций [10].

В начале 1922 г. в условиях подготовки к созыву международной конференции в Генуе польское правительство опасалось, что на ней может быть поднят вопрос о границах Польши. Оно начало осуществлять шаги, направленные на то, чтобы заручиться поддержкой международного сообщества в деле защиты своих границ. Была организована отправка писем в Лигу Наций жителями «восточных крессов», в которых высказывалось желание жить в составе Польши [11]. 1 апреля 1922 г. в Париж прибыл польский министр иностранных дел К. Скирмунт. Он не скрывал, что главная цель визита – добиться международного признания польской восточной границы [12]. Однако Франция не пошла на признание восточной границы Польши на кануне Генуэзской конференции. На самой конференции 14 апреля К. Скирмунт обратился к ее участникам с нотой, в которой подчеркивал, что признание восточной границы Польши необходимо для установления прочного мира и экономического восстановления Европы. Но и это обращение не встретило понимания со стороны ведущих стран.

Во время работы Генуэзской конференции советская Россия и Германия 16 апреля 1922 г. заключили Рапалльский договор. Два государства, известные в то время как активные противники Версаля, объединили свои усилия для борьбы с им. Одним из элементов Версальской системы, который в числе первых должен был стать объектом атаки со стороны РСФСР и Германии, являлась в силу объективных условий польская граница как на западе, так и на востоке. Как отмечает П. Ласовский, наиболее важным изменением, которое принесло образование Польши, было то, что она разделила Россию и Германию. Желание иметь общую границу стало во многом определять политику Германии и советской России в отношении Польши. Главнокомандующий германской армией генерал фон Сект неоднократно говорил про необходимость установления общей российско-германской границы, что было невозможно без присоединения к Германии и России территорий тогдашней Польши. Канцлер Вирт во время встречи с отбывавшим в Москву германским послом У. Брокдорф-Ранцау прямо заявил, что он в своей политике стремится к ликвидации Польши. При этом германские государственные деятели надеялись, и не без основания, на поддержку советской России. Действительно, вопрос об общей границе с Германией был очень важным для советского руководства. В начале советско-польских переговоров в августе 1920 г. советский проект мирного договора предполагал линию границы между Польшей и советскими республиками, которая максимально сближала бы территории советской России и Германии. Вспомним также приводившиеся выше высказывания советских дипломатов о необходимости ликвидировать «литовский коридор». Таким образом, «геополитические тиски» для Польши, о которых постоянно говорили политические деятели этой страны, становились реальностью, причем возникли они во многом из-за того, что Польша в 1921 г. пожелала присоединить Западную Беларусь и Западную Украину.

После Рапалло для Польши еще более актуальной стала задача добиться международного признания польско-советской границы. Решить эту задачу удалось только в начале 1923 г. К этому времени на Западе уже рассеялись надежды на скорое падение большевистского режима в России. Поэтому усилилась заинтересованность стран Западной Европы в существовании сильной Польши, с включением в ее состав «восточных крессов», в качества барьера против большевизма. Непосредственным толчком к международному признанию польской восточной границы стал рурский кризис. В условиях конфликта между Германией и Францией возросла заинтересованность последней в Польше как союзнице. Во многом благодаря позиции Франции Совет послов стран Антанты принял 15 марта 1923 г. дополнительный протокол к Версальскому договору, который юридически оформил международное признание границы, установленной Рижским договором. Теперь она не только фактически, но и юридически стала элементом Версальской системы и получила соответствующие гарантии Лиги Наций.

Реакция советского руководства на приготовления Запада к признанию восточной границы Польши ярко показывает, что Москва всячески стремилась не допустить этого. Ведь неопределенный международный статус границы облегчал задачу осуществления ее ревизии. 13 марта 1923 г. правительства советской России и советской Украины выступили с совместной нотой, в которой протестовали против обсуждения вопроса о Восточной Галиции без участия представителей этих стран. Также в ноте содержался протест против признания Лигой Наций польско-литовской границы с включением Вильно в состав Польши¹³. Поднимая вопрос о правомерности включения в состав Польши Восточной Галиции и Виленщины, нота от 13 марта 1923 г. фактически ставила под

сомнение легитимность всей польской восточной границы. Весной 1923 г. на имя советского полпреда в Варшаве Л. Оболенского была получена аналитическая записка И. Лоренца. Он предлагал, чтобы правительство БССР присоединилось к дипломатическому давлению на Польшу по вопросу о границах. Лоренц указывал, что было бы целесообразно, чтобы от имени Беларуси была заявлена такая же заинтересованность в территориях, которые лежат на восток от признанной советским правительством границы Литвы, которое уже было заявлено в отношении к Восточной Галиции со стороны Украины. Правительство БССР должно было заявить, что оно не может ратифицировать рижскую границу из-за систематического нарушения прав белорусского меньшинства в Польше [14].

С 1924 г. изменения в международной ситуации привели к тому, что вопрос о ревизии польских границ начинает приобретать большую актуальность. На этот момент Германия и СССР уже смогли преодолеть послевоенный кризис, восстановили свои экономики, что давало возможность наращивать и военный потенциал. Заметным становится ослабление международных позиций главной союзницы Польши Франции. А именно на силу этого союзника как на гарантию своих границ во многом рассчитывала Польша. В этих условиях в середине апреля 1924 г. председатель правительства УССР Г. Петровский заявил, что между советской Украиной и Восточной Галицией не существует границы, а есть временная линия, которая разделила украинский народ. По словам полпреда Л. Оболенского это заявление вызвало бурю в Варшаве и рассматривалось как фактическое предъявление Польше территориальных претензий [15].

Новый виток советско-польской полемики по территориальному вопросу состоялся в августе 1924 г. Глава советской делегации на переговорах с Англией по вопросу восстановления дипломатических отношений Раковский выступил с заявлением, в котором поставил под сомнение законность включения в состав Польши территории Восточной Галиции. Польское правительство резко протестовало против декларации Раковского. Оно указывало, что в соответствии с Рижским договором СССР отказался от всяких прав на территории, расположенные восточнее границы, установленной этим договором. Восточногалицийский вопрос подавался как исключительно внутреннее дело Польши. Москва же считала этот вопрос не решенной международной проблемой [16]. Позиция СССР по восточногалицийскому вопросу, обозначившаяся в августе-сентябре 1924 г., фактически ставила под сомнение территориальную целостность Польши.

В декабре 1924 г. начались советско-германские переговоры о заключении нового политического соглашения. Германский посол в Москве У. Брокдорф-Ранцау по поручению министра иностранных дел Германии Г. Штреземанна предложил в качестве центрального вопроса переговоров обсудить возвращение Польши к ее этническим границам. Советское руководство заявило в ответ, что не может сводить переговоры к обсуждению только этого вопроса, но не отвергло его обсуждение [17].

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 18 декабря 1924 г. обсуждался вопрос о политике в отношении Польши. В принятом решении отмечалось, что согласие вести переговоры с Польшей не означает отказа от исправления границ между СССР и Польшей [18]. Основные позиции советской стороны на предстоящих переговорах с Польшей были также изложены в телеграмме члена Коллегии НКВД СССР В. Коппа полпреду в Варшаве П. Войкову 2 января 1925 г. В ней указывалось, что на переговорах следовало поднять вопрос о культурной автономии для национальных меньшинств в Польше. Однако дальше разъяснялось, что сделать это следует из тактических соображений. В самом же договоре упоминать об автономии не следует, так как это было бы «связано с окончательным признанием границ...» [19].

Новые обстоятельства в международном положении Западной Беларуси и Западной Украины возникли в связи с подготовкой Гарантийного пакта с начала 1925 г. Советское руководство опасалось, что при подписании Гарантийного пакта Германия окончательно признает польские западные границы. Чтобы рассеять эти опасения, Г. Штреземанн 10 марта 1925 г. направил меморандум полпреду в Берлине Н. Крестинскому. В нем содержались заверения, что Гарантийный пакт не предполагает никаких дополнительных гарантий польской границы на западе. На встрече с Н. Крестинским 15 июня 1925 г. Г. Штреземанн заявил, что его страна покидает за собой свободу рук в отношении своих восточных границ и будет стремиться к их ревизии всеми мирными средствами [20]. Со своей стороны и Германия стремилась иметь твердые гарантии, что советское правительство не намерено отказываться от политики, направленной на ревизию польской восточной границы. Весной 1926 г. в Берлине внимательно следили за ходом советско-польских политических переговоров и были обеспокоены возможностью гарантирования польско-советской границы в

будущем договоре. 4 марта У. Брокдорф-Ранцау обсуждал этот вопрос с Г. Чичериным и получил от него заверения, что СССР не имеет намерения гарантировать границы Польши [21]. Стремление СССР присоединить Западную Украину и Западную Беларусь во многом и толкало его к фактически союзным отношениям с Германией, у которой также были территориальные претензии к Польше.

Таким образом, включение Западной Украины и Западной Беларуси в состав Польши в соответствии с Рижским договором в решающей степени предопределило характер межгосударственных отношений в регионе Центрально-Восточной Европы и существенно повлияло на характер внешней политики Польши, советской России, отчасти – Германии.

ІСТОЧНИКИ І ЛІТЕРАТУРА

1. Kawalec K. Narodowa demokracja wobec traktatu Ryskiego // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. - Torun, 1998. - S.40; 2. Сироткин В. Рижский мир // Международная жизнь. - 1998. - №6. - С.128; 3. Лазько Г.Г. Перед потопом. Европейская политика Польши (1932-1939). - Мн., 2000. - С.32; 4. Национальный архив Республики Беларусь (далее - НАРБ). Ф.325. Оп.1. Д.104. Л.52-53; Д.178. Л.28,39; Д.212. Л.26; 5. Skrzynski A. Polska a pokoj. - Warszawa, 1923. - S.83-84; 6. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.04. Оп.32. П.211а. Д.133. Л.48; 7. АВП РФ. Ф.04. Оп.32. П.212. Д.52596. Л.38; 8. Известия. 1924. 15, 16, 17, 27 мая, 10 июня; 9. Лазько Г.Г. Перед потопом. Европейская политика Польши (1932-1939). - Мн., 2000. - С.34. 10. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923 - 1945 гг. - М., 1997. - С.12-15; 11. НАРБ. Ф.325. Оп.1. Д.178. Л.28,39; 12. Известия. 5 апреля 1922, 9 апреля 1922; 13. Krasuski J. Miedzy wojnami. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. - Warszawa, 1985. - S.68; 14. ДВП РФ. Ф.04. Оп.32. П.212. Д.52568. Л.38; 15. АВП РФ. Ф.04. Оп.32. П.213. Д.525596. Т.2. Л.22; 16. Известия, 19 августа 1924, 26 сентября 1924 г.; 17. Rosenfeld G. Stosunki polityczne polsko-niemieckie po Rapallo // Kwartalnik historyczny. - 1963. - №1. - S.44; 18. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923 - 1945 гг. - М., 1997. - С.10; 19. АВП СССР. Ф.04. Оп.32. П.217. Д.52570. Л.3-4; 20. Stresemann G. Vermdchtis. - Berlin, 1932. - В.2. - S.512-513; 21. Lopatnik S. Polsko-radzieckie rokowania w sprawie paktu o niagesji 1925-1932 // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. - Warszawa, 1965. - Т.1. - S.170.

Т.С. Цюмра

УМОВИ ТА ХАРАКТЕР «КУЛЬТУРНОЇ РОБОТИ» СІЛЬСЬКОЇ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ УКРАЇНСЬКОЇ СРР У ДОБУ НЕПУ

Тривалий час сільська інтелігенція України вивчалась у контексті постулатів діамату і «класової боротьби». Особливо ж ідеологізація висвітлення її діяльності позначилася на темах радянського періоду української історії. Сьогодні, коли з'являються нові парадигми дослідження історичного процесу (передусім соціальні і соціокультурні), політико-ідеологічні чинники під час вивчення діяльності інтелігенції (сільської інтелігенції) стають радше допоміжними, ніж ключовими. У цьому полягає принципова різниця між дослідниками нашої наукової проблеми за радянських часів [1-3] і сьогодні [4-8]. Утім, багато аспектів з історії умов та характеру культурної діяльності сільської інтелігенції України на початковому етапі утвердження радянського тоталітаризму, зокрема, в добу непу, залишаються мало дослідженими. Мета нашої статті – з'ясувати особливості здебільшого позашкільної культосвітньої праці сільської інтелігенції Української СРР 1921-1928 рр. в умовах насаджування комуністичних цінностей на село.

Насамперед варто зауважити, що як шкільну, так і позашкільну культурно-освітню роботу сільської інтелігенції за часів утвердження радянського тоталітаризму влада намагалася тримати в рамках рішень компартії. Ще В. Ленін, на думку якого орієнтувалася більшість однопартійців і після його смерті, дотримувався суто політизованого погляду на інтелігенцію, тоді як загальногуманітарні чи культурологічні аспекти її діяльності практично були поза сферою його уваги [4, с. 37]. Не надто оригінальною у цьому плані була й інфраструктура закладів, в яких, окрім шкіл, пропонувалося працювати сільським інтелігентам. У 1923 р. фактично єдиним місцем і формою «культурної роботи» на селі став грубезний сільбуд [5, с. 195]. Трохи згодом стала ширитися й мережа хат-читалень, що були нижчі за статусом, утім, аналогічні сільбудам за своїм функціональним призначенням.

Сільбуди й хати-читальні замінили українську «Просвіту», сільські осередки якої були достатньо відомі в період революції 1917-1921 рр. Вважаючи ці організації контрреволюційними, більшовики у різний спосіб домоглися їхнього закриття і в містах, і в селах України. Пояснення були, як їм здавалося, надзвичайно справедливими. Наводимо одне з таких пояснень завідуючим сільбуду містечка Попівка (Полтавщина): «Під час перебування німців, уважає він, – в роботі Просвіти були перебої (відбувалися арешти) і тим, що не давали нормально працювати. З приходом Червоної армії у